

Нэд Николсон

**Легенда о
Станимире**

Нэд Николсон

Легенда о Станимире

<https://litres.ru/73996149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Законник-оборотень Станимир преследует злобного культиста. Погоня оканчивается всепоглощающей вспышкой, и герой оказывается на берегу чуждого мира — острова Буяна, дрейфующего по ту сторону Яви. Законники бывшими не бывают, остается лишь выполнить долг — продолжить погоню, перековать себя в череде испытаний, обрести верных друзей, сокрушить могучих врагов и вернуть домой весну.

Перед вами уникальный сплав жанров - славянский техно-нуар. Ледниковый период сковал мир. Долг и честь обратились прахом. И победа затребует высшую цену.

Содержание

Глава 1. Обрывки воспоминаний, живая вода и три безделушки	4
Глава 2. Скорбные траншеи, узелки судьбы и печь под курганом	15
Глава 3. Сытная каша, черный ухват и колодезь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Легенда о Станимире

Глава 1. Обрывки воспоминаний, живая вода и три безделушки

Насквозь промерзшая подворотня. Отпечатки страшного преступления, надругательства. Кичка в крови. Густой шлейф смерти Меньших. Чужак прибыл издалека, верно, из Роц. Он близко, скверный след не успел охладеть. Стремительная погоня, стылый пар из злой волчьей пасти. Надсадный гул скоростных рунных воздушной волочуги. Безумные виражи среди тесных нагромождений жилых мегалитов. Безудержный азарт охоты. Эмиссар в западне. Ликование. Страшные слова на языке, что старше звезд. Вспышка. Боль. Хохот. Бездна. Тьма. Вздох. Еще один.

Мужчина открыл глаза и судорожно вдохнул. В глаз набился мелкий песок, кашистый и колючий. На языке заплеска соленая вязкая масса. Мужчина перекатился на спину и припадочно закашлялся. Чуть было не подавился насмерть и с усилием сел. Глаза слезились, левый плохо открывался. Во рту липкая комковатая жижа с привкусом капища. Мужчина поднял к лицу иссеченные руки и замер. Вокруг грохотал странный ритмичный звук, будто дышал исполин. В воздухе клубился чуждый плотный запах. Как над кастрюлей с псев-

до-репой в любимой закусочной, но гуще, соленее, свежее. Отряхнув лицо, мужчина прищурился вдаль и вскрикнул от неожиданности.

Он попытался встать, но тут же повалился навзничь и пополз прочь от пронзительного зрелища. Впереди и по бокам, насколько хватало взора, колыхалась бескрайняя вода. Она напозла на берег шипящими пенными волнами и впитывалась в пергаментный песок. Горизонта не осталось. Вдалеке сплошная серая завеса устремлялась в грозные небеса. Перун не в духе. Мужчина застыл, иступленно царапая ногтями влажный песок неведомого берега. Вода. Вокруг была живая вода. Жидкая от природы. Бездонные толщи воды. Неправда! Вся вода замерзла столетие назад. Нигде в мире не осталось текучей воды, лишь лед, сковавший моря и океаны. Это определенно был морок, гадкое колдовство, насланное врагом. Каким врагом? Вспышка. Обрывки презренного наречия, смысла которого никто не знал. Вспышка. Предельный ужас, боль, тьма и смерть. Это Навь? Определенно. Этого следовало ожидать.

Мужчина поднялся, кривясь от боли. Все тело колотила мелкая заячья дрожь. Стало противно за самого себя. Трясусь, как косо́й, тыфу. Конечности едва гнулись, словно в суставы набили ржавых гвоздей. Мужчина пошатнулся, борясь с дурнотой, и двинулся вперед, к воде. Она должна быть соленой, в школе так и учили: чем больше водоем, тем соленее вода. Но соль не замерзает легко, чтобы ее закрепить,

должно быть люто холодно. Должен наступить ледниковый период. Тысячелетнее царствование зимы. Когда ось сезонов заледеневает и перестает вращаться. Дома, в Яви, все было именно так, все остановилось. Там все сковано синим льдом и покрыто столетним фирном. Злые языки шептали, что умертвился Дажьбог. А здесь вон плещется жидкая вода, что за чудо! А может, и правда умертвился, и теперь сияет здесь, в Нави.

Мужчина проковылял к самой кромке и ощутил холодное касание волн на ступнях. Сапоги промокли насквозь. Мужчина присел на корточки и зачерпнул пенной воды. Поднес к губам и лакнул языком. Соленая, чуть кислая, какая-то странная. Одним словом — морская. Морская вода, удивительно! Неужто и дома так было раньше? Можно было глядеть на катающиеся по берегу волны вместо ледяной пустоши, укрытой бескрайним снежным саваном. Мужчина омыл лицо, зашипел от рези в глазах, но лучше так, чем песок. Прополоскал горло, но сплевывать в воду не стал. Такое чудо нельзя осквернять. Отошел подальше, выкопал ямку, отправил туда багровую слюну, закопал. И взглянул наконец прочь от берега.

Из песка вверх тянулись редкие изломанные скалы, серые, в прожилках чего-то блестящего, драгоценного или соляного. Среди скал кротко выглядывали, словно стесняясь, ветки чахлах кустарников. На них были листья, тонкие, почти черные в свете ненастного дня. Не еловые иглы самых стой-

ких, последних деревьев, но настоящие листья. Живые растения под открытым небом — еще одно чудо. Дома вся флора жила лишь в оранжереях да в худых аллеях, запрятанных в недрах жилых мегалитов. Скучная, чахлая, бледная листва вьюнов. Но в основном мхи да лишай.

Вдалеке за скалами возвышалась громада побольше, отличная от остальных. Правильные формы и прямые углы — Сварог такими не пользуется. Это здание рукотворно. Мужчина поплелся к постройке, огибая торчащие из песка скальные персты. Страсть как хотелось обернуться, как раньше. А кем обернуться? Кем был при жизни? Ярость и страсть, гордость и сила. Справедливость и защита. Точно, волком. Хотелось снова обернуться волком и побежать вдоль камней и завывать что есть мочи, но почему-то не получалось. Мужчина едва вспоминал, что с ним было при жизни.

Охотник? Нет, не стало охоты в замерзших лесах. Редкое мясо выращивалось в каких-то растворах на фабриках, прочь от Велесовых глаз. А уцелевшие семена росли в гидропонических оранжереях, тщедушные, безвкусные, скорбные. Симаргл оставил тот замерзший мир. Все оставили нас без надежды.

Законник, верно. Он хранил покой, носил почетную форму и смертоносный самострел, гнал зло подальше от границ порядочного мира. И заплатил свою последнюю цену.

От здания исходило мягкое янтарное свечение. Свет ореолом висел во влажном соленом тумане. Мужчина обо-

шел крайнюю скалу и увидел высокую, гротескно узкую домовину. И правда, посмертие. Будто сторожка у самых врат Нави. Рука невольно дернулась к кобуре за оружием. Хлопнула по пустому бедру. Неужели выронил во время роковой погони? И волочугу свою, наверное, разбил. Хорошая была волочуга, со скоростными рунами на кокорках. Девы заглядывались, парни завидовали. Точно разбил, да и сам не уцелел, чего уж жалеть. Но все равно жаль.

Высокая каменная домовина подпирала густые серые тучи. Монолитный фасад тяжелым барельефом покрывали домовинки поменьше. На них различались совсем крохотные, а там — меньше и меньше. Будто погребалки для всех, от людей до букашек. Над узким черным зевом входа пылала ярко-желтая вывеска, почти как на закусочной возле дома. Полые слюдяные трубки, заполненные светляками, изгибались причудливым узором и озаряли влажный песок. Названия никак не получалось прочесть, оно ускользает от понимания, будто в дурмане или гадком сне.

Мужчина оглянулся в поисках палки или камня, хоть какого-то орудия для храбрости. Но пляж оказался не щедр. Стоило ему приблизиться к домовине, как из нее показался силуэт. Стройный, но ссутуленный, пожилой. Женщина в почтенном возрасте, но не лишенная шарма. Да не с покрытой головой. Дома бы про такую сказали, что росла «на меду и молоке». Но меда уже давно никто не видел и уж тем более не пил. Много лет уже пчелы под сугробами спят, а мед

дороже золота стал.

— Ты кто это будешь? — раздался скрипучий голос из до­мовины.

— Я Станимир. Не знаю, как тут оказался.

— А кто знает? — спросила пожилая.

— Может быть, ты? — предположил Станимир, пожимая плечами. — Кажется, помер я.

— Отчего же ты помер? Вон стоишь, говоришь. — заме­тила женщина.

— Тут вода шевелится, и я весь истерзан. — нахмурился Станимир. — Это не Явь.

Женщина какое-то время глядела на незнакомца, будто прикидывала что-то, а затем рассмеялась, громко, перелив­чато, но без радости. И без эха.

— Ты на Буяне, родной.

— Что за Буян? Это в Нави?

— Вроде как да, — пожала плечами пожилая, — но мы зовем это Сном.

— Значит, я сплю? — запутался Станимир. — Без созна­ния лежу и мне все чудится?

— Нет, — прозвучало в ответ. — Заходи, потолкуем.

Пожилая скрылась во тьме, напоследок зазывно махнув рукой. Станимир приблизился и заметил, что следы на пес­ке, нанесенном в зев домовины, оканчивались аккуратно у по­рога, ни на ноготь наружу. Ах, как жаль, что нет самострела. Помоги мне Перун, если ты тоже не мертв.

Внутри пахло отлично, вдоль стен горели слюдяные трубки со светляками, зеленоватым, желтоватым и теплым оранжевым. Станимир задрал голову и вгляделся в сокрытый за тьмой потолок. Большевата домовина для одной, видать, важная особа.

– Это моя закусовая, – ответила пожилая, будто прочтя мысли Станимира. – Можешь звать меня Шиши.

– Шишимора? – напрягся законник.

– Нет, просто Шиши, родной.

– Я тебе не родня.

– Ну как знаешь. Подойди.

Станимир прошел мимо рядов окаменевших скамей за большими столами, накрытыми запыленной посудой, будто в преддверии пира. В глубине домовины, в полумраке терялся прилавок с витриной. Под стеклом тлели пирожные в уютных клубках паутины. Шиши обогнула прилавок и замерла на той стороне. Законник приблизился и облокотился, будто желал сделать заказ. Глянул во тьму, отыскал лишь блеск пожилых глаз и спросил:

– Найду ли я выход?

– А ты бы хотел? – усмехнулась Шиши.

Она что-то знала, но предпочитала молчать.

– Конечно хотел бы, – оскорбился Станимир, – кто не хотел бы сбежать из Нави?

– Тот, кого привела сюда нить судьбы, – лукаво сверкнули глаза за прилавком.

– Моя судьба была умереть?

– Ну что ты, родной, ты еще не сделал работу.

– Какую?

– Припомни.

Станимир нахмурился и замолчал. Старуха шутить с ним задумала. Да с непокрытой головой и в таком возрасте, какой срам! Вспышка. Кичка в крови. Крохотные олени рожки на ободке. Совсем юные девушки, прекрасные все как одна. Убитые, растерзанные. Тот грязный культист явился из Роц. Он собирал кички как трофеи, охотился на прелестных дев, питал кровью свою мерзкую силу. Станимир резво прибыл на вызов. Почти поспел, почти вовремя. Дева погибла, но эмиссар не успел унести свой трофей. Почти скрылся, но Станимир не отстал. Законник волком обратился и втянул воздух вечной зимы. В промерзлой подворотне пахло смертью Меньших.

Все городские ходили в искусственных одеждах, рубахах из эрзац-льна и в растительных кожах. А этот, из Роц, пришел в рубище из крысиных шкур. Его укутывал и преследовал душок мертвых животных, братьев наших меньших. По этому шлейфу Станимир и выследил культиста, эмиссара темного культа, служащего загадочной, но страшной цели. Купта, несущего смерть всему вокруг ради своей непостижимой выгоды. Головокружительная погоня закончилась на крыше колоссального жилого мегалита, под светом мириадов безразличных звезд. Видел ли все это Род, гордился ли

Станимиром в тот момент?

Культист принялся шептать, Станимир выхватил самострел, заряженный семенными коробочками кедрача, и выстрелил. Он попал точно в цель, он никогда не промахивался прежде, не промахнулся и впредь. Но последнее слово, столь омерзительное, что тошно вспоминать, сорвалось с обмерших губ эмиссара, и прогремел чудовищный взрыв, грохотом которому служил сардонический смех безумного божества.

– Припомнил. – едва слышно сказал Станимир.

– Отлично, – искренне обрадовались озорные угольки глаз за прилавком. – Попей и в путь-дорогу.

Перед законником появилась высокая деревянная кружка с шипучим напитком. Массивное дно скрипнуло по вездесущему песку.

– Что это? – спросил Станимир, не шелохнувшись.

– Мед.

– И куда мне идти?

– По следу культиста, что сшиб тебя на Буян.

Станимир поднял глаза и взглянул на Шиши, едва угадывая ее силуэт в недрах домовины.

– Так он здесь?

– Бежит ябедничать на тебя своему мифу. – почти безразлично пожала руками пожилая.

Станимир подхватил кружку и залпом влил в себя содержимое. Вкус оказался волшебным, а сам напиток – драгоцен-

ным в том мире, откуда он пришел. Но законник не оценил ни того, ни другого, вдохновленный еще одним вызовом и новой целью. Он кивнул Шишиморе и хотел было броситься в путь, но та его остановила.

– Возьми-ка с собой. – лишь сказала она, протянув ему заплатанный мешок.

– Вынести мусор? – озадачился Станимир, едва удерживаясь, чтобы не побежать.

– Как хочешь. Но, может, чего пригодится.

– Спасибо, родная, – тепло обронил законник и выскочил прочь из пустой домовины.

На ходу, отдаляясь по пологому склону прочь от воды, Станимир сунул руку в подозрительно скудный мешок, а там всего ничего, три каких-то безделицы. Первой он подхватил и вынул на свет веретено с алой нитью. Хмыкнул и бросил обратно. Следом достал стальной нож с широким коротким лезвием. Ремесленный, туповат, но сойдет. Законник хотел было сунуть нож за пояс, но с ужасом заметил, что пояса нет. Рубаха свободно свисала к коленям. Нужно как можно скорее чем-нибудь подпоясаться, иначе не миновать беды. Вот же болван! А что, если бы Шиши оказалась не столь благодушна и науськала бы какое проклятие? Эх, как проstack сунулся в домовину без пояска-оберега. Надеюсь, что все обошлось, ведь всем известно, что проклятие невозможно снять, можно лишь передать. Но кто станет с ним тут знаваться?

Третьим предметом оказалась свеча. Давно уже не целая, жалкий огарок, но сама по себе почти бесценная. Никогда Станимир не держал настоящего воска в руках. Сто лет как опустели последние теплые пасеки. Не растут гордые полевые цветы в оранжереях, а без них и пчелы жить не хотят. Меда осталось теперь лишь у богачей, да и то по каплям. Чахнут они над своими склянками с давно засохшей янтарной жижей и грезят, как обменивают ее на еще большую власть. Никто давно уже не жжет свечей, а дома освещают едко пахнущими растворами из пещерных грибов в мутных банках. Может, удастся разыскать какое-нибудь поселение, раз домовину с Шишей нашел. А там, глядишь, огарок продать получится или на новые сапоги обменять.

Подъем стал ощутимо круче. Станимир нагнулся вперед, начал кряхтеть, пыхтеть и глубоко всаживать мыски в песок. Пусть он и разучился вдруг обращаться, но все еще оставался волком. Он ринулся в погоню, и теперь уж мерзкий культист от него не уйдет. Станимир настигнет его всюду, в мире живых и в мире мертвых, и даже там, куда придется отправиться после. За дюной путника ожидал таинственный и опасный остров Буян, дрейфующий где-то во Сне.

Глава 2. Скорбные траншеи, узелки судьбы и печь под курганом

Поднявшись над песчаной кручей, Станимир увидел скорбное каменистое плато, испещренное рытвинами, похожими на неглубокие каньоны. Или окопы. Никаких ориентиров, ни одной достопримечательности. Сплошная серая пуштошь, полная холодного камня и колкой могильной пыли, вихрями завывающей в изрезанной скалистой земле. Законник досадно поморщился. Делать было нечего, нужно слезать и надеяться не заблудиться в этом лабиринте.

Станимир крикнул и соскользнул вниз. Приземлился на мягкую пепельную почву и закашлялся от поднятых клубов серой пыли. Сделав несколько шагов в сторону, чтобы выскользнуть из удушливых объятий этого негостеприимного места, законник взглянул наверх, на бесцветное небо. С какого края я только что спрыгнул? Не успел начать свой путь в этом лабиринте, а уже заплутал. Дурак! Эх, если бы обернуться волком, сразу бы почуял, откуда дует морской ветер, и рванулся бы вдоль этих каньонов за свежим соленым шлейфом вглубь острова. Станимир замер, закрыл глаза и попытался обратиться. Безрезультатно. Почему так? Нужно двигаться, неизвестно, когда тут стемнеет.

Лабиринт поглотил законника. Начинаясь он как причуда

природы, но вскоре вокруг, и на земле, и на стенах стали угадываться присутствия людей. Тут и там осыпи были укреплены разошедшимися досками, к которым опасно было даже приближаться, не то чтобы взбираться. Изредка встречались зевы пещер, занавешенные парусиной. Истлевшая ткань не колыхалась, а покачивалась, будто задубевшая, насквозь пропитавшись вездесущей пылью. Станимир ощущал ее в ушах, на зубах и в носу. Глотку драло от сухости, шея чесалась, а светлые и непокорные от природы волосы стали ломкими и совсем поседели. Сначала Станимир пытался считать повороты и развилки, но вскоре бросил это бессмысленное дело. Каньоны казались одинаковыми, и это удручало сверх всякой меры. Выхода нет.

Спустя бесконечно долгое время скитаний Станимир уверился, что это плато изрыли люди. Когда-то давным-давно здесь гремела яростная, всепожирающая битва. Каньоны и правда оказались окопами. Тут и там виднелись оружейные стойки и пирамиды. Кое-где торчали копыя и кривые жерди луков без тетив. Законник совсем выбился из сил и подобрал одно копьё, чтобы опираться на него во время скитаний. Древко, хрупкое как мел, тут же переломилось, не успел Станимир как следует на него опереться. Выругавшись, законник бросил бесполезную рухлядь и смахнул труху с ладоней. Хотелось присесть и горько вздохнуть, но на прошлом привале законник обнаружил под пушистым слоем пыли уйму человеческих костей.

Вдалеке раздался подозрительный шорох. Законник поднялся, весь наострился и медленно отправился в сторону звука. Он приноровился ходить по костям, укутанным пеплом, и двигался почти бесшумно. Через развилку и два поворота Станимир набрел на очередной зев. То была пустота в скале, оборудованная под штаб. Занавесь оказалась собрана вбок, и на пороге стоял силуэт. Тощий, форма поверх костей, солдат древней войны, бесполезной и позорной настолько, что от нее не осталось и никаких упоминаний, манил Станимира к себе. Законник настороженно подошел и получил от мертвеца кусок хлеба. Ароматное жито, почти как дома, едва теплое и все еще мягкое. Всего лишь горбушка, но какая желанная и манящая. Голод, отступивший под грузом мрачных размышлений, всколыхнулся вновь. Хотелось разделаться с житом в пару укусов, но сперва предстояло разгадать подвох.

– Кто ты такой? – спросил Станимир.

– Я не знаю. – Ответил безымянный боец.

– Зачем даешь хлеб?

– Просили передать.

– Кто? – удивленно моргнул Станимир и невольно оглянулся через плечо.

– Твои соратники, законники. Похоронили тебя без тела. Оплакали, да подношения оставили. Угостили Дедов и тебя. У вас так вроде бы принято.

– Принято, – тупо повторил Станимир.

Обряд обрядом, но с той стороны никто никогда не воз-

вращался, чтобы обо всем рассказать. Все чтители Дедов, не бросали ножи на стол, не плевали в очаг, молоко домовым наливали, чтоб пустой дом уберег, но никогда не задумывались, куда отправляются честные дары. А вот куда.

– Жито было целое, когда передали? – прищурился Станисмир в пустые глазницы бойца.

– Было, – покорно кивнул скелет, обтянутый кожей. – Но я откусил свою долю за услугу.

– И правильно сделал, – согласился законник. – Если выход подскажешь, я и эту краюшку отдам.

Мертвец качнулся вперед, едва не завалившись через порог, но удержался, скрипнув костями, и вернулся обратно в тень зева.

– Мне ни к чему, а тебе надо кушать. Но выйти отсюда непросто. Путь не справа, не слева и не снизу и сверху. Путь начинается внутри.

Станисмир глянул за плечо бойца и открыл было рот, но тот его опередил.

– Внутри тебя, увалень. В твоем сердце. Ты не покинешь траншей, пока не вернешь себе смысл. Так и останешься тут, как все мы, потерянные в бессмысленной битве.

– И как я это сделаю?

– Вяжи узелки.

Законник хотел было выругаться и отчитать нечисть за пристрастие к загадкам и невнятицам, но вовремя одумался. Шиша из домовинной закуской подарила ему мешок. А в

мешке оказалось веретено с алой нитью. Красной, как кровь. Нить судьбы, приведшая его в это место, в Навь, на остров Буян, в Сон. Вся наша жизнь — это череда узелков, больших и малых, заплетенная Мокошь на нитях судьбы.

Мертвец глядел пустыми глазницами на пораженного этим откровением законника и медленно кивал костяной головой, будто читал его мысли. Скрип-скрип. Скрип-скрип.

Станимир скинул с плеча мешок и запустил в него руку. Вынул веретено и намотал несколько пядей на ладонь. С чего бы начать? Конечно же, с самого начала. Станимир родился слабым ребенком и не должен был выжить. Но забота бабушки и изнурительные тренировки закалили его и превратили в жизнерадостного, ловкого и выносливого сорванца.

Первый узелок. Не так уж и сложно.

– Возьми меня с собой, родной, – подал голос боец.

– И как же мне это сделать? – вынырнул из задумчивости

Станимир.

– Да всего и не надо, лишь башку забери. Я тебе пригожусь.

Законник подумал с мгновение, дернул плечами, мол, почему бы и нет, и разявил мешок пошире.

– Запрыгивай, только жито мое не пожуй.

Раздался одинокий треск, будто кто-то переломил сухую палку, и череп скакнул с туловища прямо в мешок. Тело бойца задеревенело и повалилось назад во мглу траншейного штаба.

– Спасибо, – раздался глухой шепот из мешковой утробы.
– Вовек не забуду.

Станимир двинулся вдоль траншеи, сгорбившись над веретенном. И в чем смысл? Он родился в самом начале ледникового периода. Он терпел холод, голод и хвори.

Еще узелок.

Нет, надо бы размотать. Какой же в этом смысл? Или оставить? Страдания и лишения закалили его характер, помогли понять, какой стороны судьбы он желает придерживаться. Он не хотел погрязнуть в пороках и бедах, уподобиться тем, кто сломался, не сдюжил, захлебнулся во тьме. Родителей рано не стало, но бабушка дала ему все, наделила его молодость смыслом.

Бабуля часто вспоминала долины. Она застала последние дни перед тысячелетним пленом льда. Совсем крохой она видела зеленые луга и леса, полные живности. Она рассказывала об этом маленькому Станимиру, а тот пытался вообразить себе, как такое возможно. Он видел теплый мир лишь на картинках из книг да в старом кино. Он помнил, как могучие звери, владыки лесов и болот, бились со Злом на хрустальных экранах. То была буйная жизнь, но казалась выдуманной. Станимир рос в умирающем мире и не надеялся снова увидеть теплый рассвет.

Еще узелок.

Маленький Станимир учился противостоять мрачному, обледеневшему быту и жестоким людям, заполнявшим его.

Он отвечал добром на зло, и сначала это было мучительно сложно. Хотелось драться, отбирать и яростно ненавидеть весь мир, но бабушка учила другому. Ее предки прибыли с Дальнего Востока и учили странным вещам. Бабушка рассказала маленькому Станимиру, что глупые и мелочные люди часто путают доброту со слабостью.

Она гадала, что Станислав вырастет сильным, добрым мужчиной и раскроет в себе оборотничество. Малыш грезил об этом и мечтал обращаться медведем, хоть так было нельзя. Владыки лесов давно уже спят вечным сном в своих тайных берлогах, и никто больше не зовет их настоящими именами. А еще бабушка научила его могучей мудрости, привезенной предками с Востока. Она рассказала Станимиру про дана-парамиту — высшую форму щедрости, мать всех благодетелей.

Еще узелок.

Станислав рос и мужал, четко придерживаясь своих убеждений. Делился всем, и материальным, и духовным. Помогал нуждающимся, выручал заблудших. И чем проще Станимиру отдавалось, тем сильнее он себя ощущал. Он свободно мечтал и жил полной жизнью в тех скудных условиях, в которых его угораздило появиться на свет. Еще мальчиком Станислав изучил все многообразие мировоззрений и давным-давно прознал о Мифах. Они были чужаками в этом мире, дальней родней верховного Рода — Вселенской пустоты, что велела первым звездам зажечься. А после Станислав

узнал про культуры, злые, опасные и алчные.

Еще узелок.

Повзрослев, Станимир оказался среди законников, честных мужчин и женщин, оберегающих шаткий мир на ярусах жилых мегалитов. Тогда-то у Станимира появился добрый друг и напарник, что разделил с ним законничье бремя. Вместе они распутывали козни одного злостного культа и глубже погружались в пучины ужасающих знаний. Культ поклонялся какому-то Мифу, прибывшему напрямиком из глубин Нави. Имени божества Станимир не узнал, он был близок к разгадке. Тот эмиссар, за которым он погнался, сумел ускользнуть во вспышке колдовского взрыва. Но теперь ему уже не уйти.

Еще узелок.

Законник споткнулся и поднял взгляд от веретена. Перед ним возвышался жесткий, покрытый грязевой коркой подъем. Получилось! Стоило найти смысл, как путь сам устроился перед ногами. Станимир поднялся и огляделся. Плато казалось бесконечным и простиралось далеко назад. Вот же чудеса! Да его и напрямки за неделю не пройти, а тут вон как, за пару часов одолел. Станимир приободрился и направился в глубь острова Буян, к далекому подлеску, гнущемуся под ветрами вдалеке. Я непременно настигну культиста, выбью из него все тайны и разужнаю, как остановить Мифа. Я заставлю его прекратить мучить мой родной мир. Да поможет Перун. А если не получится, то делать уж нечего, я пройду свой путь с честью, до самой опушки в конце жиз-

ненной тропы, где смогу наконец упокоиться.

Последний узелок.

Станимир убрал веретено в сумку и подумал было перекусить, но заметил вдруг, что шагает по мощеной дороге. Он снова поднял взгляд и удивился, как быстро продвинулся к лесу. Страсть как хотелось зайти под его тени и потрогать листочек-другой. А запахи, какие там, наверно, гуляли запахи? А птицы? Как они на самом деле щебечут? Слева от дороги возвышалась землянка, похожая на курган, поросший редкой травой. Внутри было тихо. Небо смеркалось, начал накрапывать дождь. Станимир немного постоял под живой водой, капающей с неба, блаженно улыбаясь. А здесь, на Буяне, так славно! Но ветер стал нещадно трепать рубаху, и законнику пришлось укрыться в землянке.

Внутри было пусто и пустынно. Сводчатый земляной мешок и холодная печь посередине. Тут было тихо и ощущалось безопасно. Станимир хотел было подойти к печи и потрогать ее выбеленный бок, чтобы убедиться, давно ли ее не топили, но замер как вкопанный и снова потянулся за самострелом. Тут же вспомнил, что до сих пор не подпоясан, а сам шляется по упокойным местам. Промолвил устный оберег и уставился на черную троицу, заставшую его врасплох. На печи безмолвно и недвижно сидели кот, пес и петух. Все трое черные как смоль, лишь глаза звездами сияют. Будто углем нарисованные, но до жути настоящие, сидели они как статуи и глядели на гостя.

Станимир с опаской приблизился к печи и заглянул в устье. Там было пусто и холодно, как в катакомбе. Законник обошел печь, не сводя взгляда с чудной троицы, и обнаружил дровницу. Осталось в ней всего ничего, но для растопки сойдет. Хоть согреться чуть-чуть, а там, может, и сон до утра одолеет. Станимир разжег огонь и присел на утоптанную землю поближе к печи. Землянка мигом наполнилась жаром, и в печи приятно затрещало. Законник вынул из сумки безмолвный череп, встревожившись, что тот окончательно помер, и следом достал краюху хлеба. Ах, жито мое, жито, как кстати ты мне пригодилось! Станимир хотел было вцепиться зубами в благоухающий хлеб, как вспомнил завет. Кто мы, если не блюдем их? Грязные твари, жизни не достойные.

Законник разломил горбушку пополам и кинул одну часть в печное устье. Спасибо за кров, спасибо за дом, хоть и недолгий. Не успел Станимир откусить свою долю, как огонь загудел, окрасился синим, и по земляным стенам побежали странные тени. Печь ожила и давай причитать. Станимир чуть отстранился, так стало жарко, но опасности не почувствовал, поэтому остался сидеть. Нахмурился, что-то припомнил и спросил:

– Печник, ты чтоль? Я-то думал, ты байка для малышни!

– Сам ты для малышни! – раздалось в ответ.

Да ты не сердчай, я же просто спросил, не думал, что мелкие духи тут обитают!

– Сам ты мелкий!

– Да хватит тебе, я же с угощением пришел, а ты мне грубишь. Кто же гостю грубит?

– Ты уж прости, ко мне давно никто не захаживал, – примирился огонь. – Я Пещ, брат Щура, но тот давно покинул эти края. А ты удалец, что сумел Дрёму пройти, впечатлен!

Законник вопросительно склонил голову и надкусил жито.

– Дрёма? Я думал, что во Сне.

– Плохо думал, значит! Там, откуда ты появился, не учили географию Сна?

– Нет, – только и ответил Станимир. – Не учили.

– Так вот знай, ты прошел Дрёму, скорбную пустошь, в которой плутали и не такие молодцы. А ты, доходяга и оборванец, как-то сумел пересечь тот гиблый простор.

– Спасибо, грубиян, – отозвался Станимир не без гордости.

Многие не сумели, а у него получилось. Ну не чудо ли?

Кот, пес и петух все так же неподвижно сидели на печи. Их черные силуэты слегка дрожали в мареве горячего воздуха.

– А это кто? – спросил законник.

– Мои друзья, береги. – ответил Пещ. – Защищают меня ото всяких. Другой вот не сумел тут остаться, ушел.

– Кто другой? – мигом оживился Станимир. – Кто тут еще проходил?

– Да какой-то дурак, весь изрезанный, вялый и злой. Но

не выдержал взоров моих оберегов и вышел, рассыпаясь в проклятиях. Да бестолку. Проклятия лишь для живых.

– Надо думать, – только и ответил законник. – Кажется, он тот, кого я ищу.

Пещ замолк, будто задумался, а может, просто краюшку дожевал, дотлевал.

– Выглядел он больно мерзким, я бы к нему не совался, если хочешь знать мой совет.

– Не хочу.

– Ну теперь уже поздно. Слушай-ка дальше.

– Не буду.

– Придется. Иначе никак.

– Говори.

– Переночуй-ка ты тут, а утром пойдешь. Давно я живых не видал и не грел. – как бы между прочим заметил Пещ, но в предложении его сквозила мольба.

Станимир задумался немного и решил, что это дельный совет, хоть и хотелось отказаться, чтобы печника раззадорить. С этими духами нужно пожестче, не то они вмиг на шею усядутся и начнут верховодить. Встречал законник одержимых людей на промерзших ярусах мегалитов, но то было другое. То было страшно. Безумные духи, потерявшие свои вотчины, коверкались до неузнаваемости и в бешеной дикости поработали людские умы. Пещ был вроде здоров, но чудной.

– Что еще? – пришпорил печника Станимир.

– Оставь-ка мне череп того несчастного бойца, что ты носишь с собой. Мне хоть будет с кем поболтать, когда ты уйдешь и сгинешь в лесу.

– Ты знаешь про лес? – сменил тему законник. Он бы с радостью расстался с черепом, но не мог нарушить данное слово.

– Конечно же знаю, от чего бы не знать? Это граница Грѐз! Какой же ты неуч.

– Сам ты неуч, – огрызнулся Станимир.

– Не оскорбляй меня в моем же доме! – взвился Пещ огнем из трубы.

Три черных берега даже не моргнули.

Законник поднял ладони в примирительном жесте и, признав измождение, устроился на дерюгах у покато́й земляной стены на ночлег. Пещ что-то еще говорил, Станимир кивал с закрытыми глазами. Задумчиво потрескивали горячие угли в печи, под потолком клубился дымный аромат, дерюги пахли горькими целебными травами. Станимир отметил, что обращается печник не к нему, но к черепу, а тот охотно ему отвечает. Вот и встретились две недотроги, подумал законник и в мертвецкий сон провалился.

Глава 3. Сытная каша, черный ухват и колодец роя

В землянку дуло свежим утренним ветерком. Станимир всхрапнул, заворочался и открыл глаза. Понапрягал мышцы, размялся, не вставая с дерюг, пошевелил пальцами на ногах. Сел и огляделся. Печь, царствующая посреди землянки, стояла безмолвной, но еще горячей. Череп бойца, накануне оставленный ровно, лежал на боку. Верно, до поздней ночи болтали. Троицы черных зверей-оберегов нигде не было видно. Тишина, хорошо. Снаружи играла какая-то мелодия. Простая, нелепая, но такая манящая. Неужели птицы? Дома все птицы давно замолчали, а тут, на Буяне, поют. Вот чудеса!

Станимир поднялся, надел высохшие башмаки, отряхнулся, поправился и подошел к печи. Заглянул в устье, а там — глиняная корчага, полная каши. Не меньше крынки! А пахнет-то как! Законник поколебался, но лишь мгновение, ухватил тару за ручки и потянул на себя. Корчага оказалась тяжелой, горячей, но пальцы не жгла. В одну из ручек вде-та деревянная ложка. Станимир растерялся, не поверил, что кто-то ему столько каши оставил, и поискал глазами другую посуду. Ни ложек, ни кашников нигде не валялось. Только он, печь и череп безмолвный. Неужели подарок?

Присел Станимир рядом с костяшкой, ноги скрестил и поставил корчагу промеж бедер. Запах хлебный, сливочный, терпко-сладкий, как от прелого сена. Слюни так и потекли. Взял законник ложку крепко и погрузил ее в кашу. Густая, на молоке, что ли. Станимир зачерпнул немного и попробовал. Неужели настоящее, а не субститут с подземных ферм? Странное такое. Но вкус дивный! Законник и не заметил, как опустошил горшок наполовину, и только потом разогнулся и тяжело выдохнул. Все тело изнутри нагрелось, жизнь в нем расширилась, расправила все складочки и все загибы. Наконец-то Станимир ощутил себя цельным и здоровым. Попробовал обратиться волком, но все еще никак.

Вдруг рядом что-то заскреблось, череп очнулся. Станимир поставил его ровно и развернул к себе ликом.

– Глаза появились! – удивился законник. – Огоньки жаркие, рыжие, будто пуговки из жидкого пламени.

– А то, – ответил череп, – это мне Пещ подарил, за то, что беседовал с ним до утра.

– Спасибо, что выручил, родной, – подмигнул черепу законник, – иначе он бы меня своим трепом доконал.

– Ему тут одиноко.

– Я знаю.

– Дай каши, страсть как охота.

Станимир нахмурился, прикидывая, стоит ли тратить еду на костяшку. Череп тем временем распахнул пасть с жадным скрипом. Лежит, ждет, глядит своими огоньками прямо в ду-

шу. Станимир зачерпнул каши и вывалил ложку прямо черепу в зев. Тот закрылся, зубами застучал и странный звук издал, будто сглотнул. Еще раз открыл, мол, давай.

– А ты это как? – удивился законник.

Нагнулся пониже, пытаюсь разглядеть, куда каша ушла.

– Да откуда мне знать? Давай еще ложку. – нетерпеливо потребовал череп. – Жуть как скучал я по смертной еде.

– Ты что это, кашу под темечком спрятал? – не унимался законник.

– Да не знаю я! – прокляцал череп сердито так, что вокруг него земляная пыль заплясала. – Ты вот знаешь, зачем тебе селезенка?

– Неа, – ответил законник, понимая, к чему клонит косяшка.

– Ну вот и я так же! Куда девается, не знаю, но кушать охота.

Наелись путники каши и стали собираться в дорогу. Станимир подхватил свой мешок, подошел к печи и положил ладонь на беленую стенку. Закрыл глаза и беззвучно зашептал, от души, от сердца благодарность отдал, всю без остатка и без утайки. Добрые слова заструились вдоль вен и впитались в теплый камень печи. Может, еще встретимся, родной, на другом конце света.

Станимир поднял череп и хотел было сунуть его в мешок, но тот заартачился. Да что с ним такое случилось? Неужели Пещ вместе с глазами подарил ему и частичку своего склоч-

ного нрава? А может, в нем просто стало больше воли? За-теплилась внутри костяшки усталая жизнь.

– Там у выхода Пещ и тебе подарок оставил. – сказал че-реп бойца, сверкая глазами.

– Зачем?

– Он же очаг, должен греть и хранить. Но ему было некого, вот и грустил. Помнишь, как грустно ты без смысла шатался в траншеях? Пещ тебя повстречал, и ты ему смысл вернул. Он тебя обогрел, защитил, накормил и спокойно ушел. За это и благодарен.

Законник подошел к выходу и обнаружил прислоненный к стене черный ухват. Длинная жердь с широкой подковой, какими раньше шуровали посуду в печах. На вид обычный ухват, только черный, как бездна. Не блестит, не отражает. Свет будто в него проникает и пропадает навеки. Брать было боязно, но законник коснулся, и ничего не случилось. Никакого проклятия, никакой боли. Обычный ухват. Только на ощупь чудной, будто уголь. Стылый, упругий, но сажи на пальцах не оставляет. Странная штука, нелепый подарок.

– Это Щур, брат Пеща, – представил законника череп. – Ты меня меж рогатулины приладь, чтобы я с тобой рядом гулять мог, – подсказал череп, и Станимир сделал как надо.

– Ну вот и отлично, – подмигнул законнику костяшка, – а теперь в путь!

Станимир обернулся. Печь молчала. Но тепло от прикосновения к ней еще долго держалось в ладони.

Снаружи вроде бы стояло утро. Тут на Буяне погода шальная: то ветер, то дождь, то штиль. И не поймешь по облакам, злятся они или просто тоскуют. Там, над ними, вроде бы Солнце, а может, какое другое светило. Станимир еще немного постоял, подышал и двинулся к дальнему лесу, постукивая черенком Щура о камни заросшей мостовой.

Дорога ширилась, укреплялась, стыки меж камней сужались, а форма булыжников становилась ровнее и больше. Вскоре камень жался друг к дружке ровно и плотно, размером как один, и идти стало очень комфортно. Дорога превратилась в настоящий тракт, а значит, впереди ждал город, не меньше. На Буяне все было каким-то старым, будто из древних книжек о временах, когда сменялись сезоны и люди жили в дружбе с природой.

Бабушка рассказывала зябкими вечерами, плотнее кутая маленького Станимира в стеганое одеяло, что давным-давно, еще до вечных льдов, люди жили под небом и селились вширь, а не вверх. Только с наступлением долгих зим принялись строить высоченные мегалиты и сгонять туда всех, кто не хотел помирать. Многие склавины отказывались и доживали свои жизни по старинке, на природе. Под фирном и льдами вокруг родного города погребено множество поселений таких вот отчаянных гордецов. Они рубили леса, жгли костры, пока хлад их всех не побрал. Хлад. Почему бабушка так говорила? Чудное слово, может, восточное?

Станимир шагал по тракту, отстукивая ухватом бодрую

дробь. Череп глядел по сторонам своими жаркими глазищами и что-то тихонько напевал. Законник прислушивался поначалу, а потом просто стал мычать в такт. Так и шли путники по пустынной мостовой к лесу Грёз, а затем и сквозь него.

Спустя долгое время пути череп в рогатулине извернулся, пронзительно скрипнув затылком, и поглядел на Станимира.

– Не делай так, это жутко, – поежился законник.

– Как, вот так? – переспросил костяшка и заерзала меж ухватских рогов.

– Прекрати, меня аж коробит. Сейчас в мешок суну.

Череп вроде озорно ухмыльнулся, хоть и непонятно как.

– Нам бы привал надо, устал я. – заметил костяшка.

– Отчего ты устал? Я ж тебя несусь.

– Стучать я устал и Щур изучать. Давай сойдем на лужайку, я все про него расскажу.

Слева от тропы, между могучих деревьев, сияла полянка, поросшая изумрудной травой. На ней тут и там плоскими островками качались мелкие цветы, розовые и белые, будто пушистые. Станимир сошел с тракта и, пройдя мимо стволов, провел по одному ладонью. Какая замечательная, сильная и крепкая кора! Хотел бы я себе такую же кожу. Вокруг вились жучки, летучие и прыгучие, большие и совсем маленькие, как точки, яркие и невзрачные, милые и уродливые, но все безобидные. Станимир не заметил ни одного гнуса, ни единого паразита, коими кишели подворотни мегалитов.

После законничьей академии Станимир служил на каран-

тинных ярусах. Различные хвори, помешательства, отчаяние и злая магия порождали страшных существ, что отбирали у людей целые районы. В них не оставалось славной жизни, лишь плодились мерзкие, вечно голодные твари, гадили и строили причудливые ульи. Эти ярусы становились зонами отчуждения, и в них настрого запрещалось ходить, но все равно там постоянно пропадали люди. В основном нищие да детишки. Ими повелевала жажда наживы. Хоть чего раздобыть и продать, заработать монетку-другую. Это ведь даже не воровство. Добро ведь ничейное лежит, целые ярусы заброшены. Нужно лишь через законничьи кордоны прошмыгнуть и здоровенным жукам не попасться, плевое дело. Но нет. Если бы в карантинные зоны никто не ходил, вся нечисть бы там давно с голоду перевелась. Но авантюристы собою кормили тот гнус и питали колонии.

А тут хорошо, здесь можно бы жить. Здесь так тихо и мирно, только пить хочется. Станимир подошел к колодцу в надежде напиться и умыться, нагнул над зевом и, вскрикнув, отпрянул. Вместо воды он увидел осклизлую шахту, полную отвратительных тварей с карантинных ярусов мегалитов. Гигантские жуки, дергливые, суетные, на длинных членистых лапах, со вздернутыми к небу пухлыми брюшками и низко опущенными башками со множеством жвал, принялись рваться из пустого колодца. Сотни тупых желтых глаз горели неистовым голодом. Хитиновые глотки стрекотали, клокотали и утробно визжали, остроконечные лапы взрывали дерн

и секли траву. Полянка стремительно наполнялась смрадом многолапых скрежещущих туш.

Одна из тварей заметила Станимира и бросилась на него без опаски. Законник широко размахнулся и ударил жука черепом на рогатулине. Тварь затрещала, повалилась на спину, взбесилась и хотела обратно вскочить, но Станимир проткнул ее насквозь черенком. Брюшко продавилось, лопнуло и окатило траву густой вонючей слизью.

– Не так! Не так надо! – закричал череп и привлек внимание остального выводка.

– Да откуда мне знать, как надо? – выкрикнул законник и бросился к тракту за перелеском. – Сейчас бы самострел, да кедрачом их в ошметки, кедрачом!

– Чурай их! Чурай! – верещал костяшка, болтаясь на рогатулине.

– Совсем дурной? Их заговоры не берут, это же кворчи, у них душ нет!

– Стой, говорю! – вопил череп. – Поворачивай и черти между!

Делать было нечего, свара тварей нагоняла, смертоносные лапы тарабанили уже в каких-то локтях от пяток законника, а скрежет жвал заранее, в предвкушении молотил воздух. Станимир круто развернулся, хищно припружинился к земле, эх, сейчас бы волком обратиться и дать этим гадам свой смертный бой, покрепче схватил древко ухвата и широко чиркнул по земле.

– Чур нас! – гаркнул череп.

Узкий черный разрез устремился вправо и влево, до окраин лужайки. Взметнулись в воздух отсеченные травинки и бутоны полевых цветов, да так и повисли. Законник уперся ногой основательно в землю, втянул шею в плечи и выставил хват для защиты, готовясь сшибиться.

Кту-у-у-ун!

Раздался вдруг густой могучий звон. Твари на всем скаку налетали на невидимую преграду и сминались об нее, как ветошь, налетали друг на друга, резались острыми лапами, визжали и стукались рваным хитином. Бурая волна насекомых вся расшиблась насмерть о непреодолимый барьер. Изломались гады, задержались в предсмертных муках, принялись расползаться из последних сил. Но Станимир ждать не стал, едва оправившись от изумления, он пересек границу чура и стал разить недобитых концом хвата, пробивая бошки уродливых тварей.

Вконец запыхавшись, Станимир оглядел полянку. Всю ее устилали жуки, теперь уже безмолвные и неподвижные, с торчащими к небу лапами, как лом на пепелище. Вроде бы тихо, все передохли. Ай да Щур, ай да молодец.

– Мы все молодцы, – отозвался костяшка.

Глаза его потухли, едва тлели. Обессилил совсем.

– Это точно, родной, это точно, – согласился законник, присаживаясь на край колодца.

Внутри было чисто и водно. Никаких следов слизи жучи-

ных вторженцев. Только свежая, прозрачная вода.

Станимир зачерпнул живительную влагу ладонью, принохался и отпил. Хорошая, бодрая. Не спрашивая, он наклонил ухват рогатулиной вниз и дал черепу напиться. Тот жадно заклацал челюстями и забрызгал Станимиру всю рубаху.

– Спасибо, Стан, удружил. – прохрипел череп. – А чего это ты их позвал?

– Кого их? – удивился законник.

– Да скребунов окаянных! Ты о них вспомнил зачем-то, колодец их тебе и подал. Любой колодец – это испытание. Не добыть воды, не пройдя обряд. Вот ты себе и выбрал, что преодолеть, что изводило тебя давней виной.

Станимир не ответил, опустил подбородок на грудь и крепко задумался. Посидел, поразмыслил и решил все косяшке поведать.

Дело было давным-давно, после академии я стоял на кордонах у зараженных ярусов. Тогда было страшно, голодно и холодно. В любой миг мог открыться нарыв — так мы называли жучиные набеги. Сладить с ними было непросто. Представь: хитиновые образины высотой по ребра, все в шипах и хребтах, несутся толпой и остервенело визжат. Это твари не простые, их породили нарушенные запреты. На некоторых ярусах нарушались табу, то ли от отчаяния, то ли в безумии, а коль нарушишь запрет — жди беды. Такова воля древней магии, она не прощает ошибок и неуважения.

Я люд в карантин не пускал, но и не сильно мешал. Бы-

ла группа ребят удалых, в которых я узнавал себя молодого. Они нередко ныряли в зону и выносили оттуда разные ценности. У них неплохо получалось, а мне мзду приносили по возвращении. Но я их не покрывал.

Тьфу, зачем я лгу тебе, костяшка?

Покрывал же, конечно. Я ничем не рисковал, а они мне полезности носили. Я их обменивал и жил получше многих законников. Была бы тогда бабуля жива, она бы точно прознала и такого поноса бы мне науськала, что я бы вовек не обтерся. Но к тем годам она уже померла, и жить стало тяжело. Я ненадолго забыл о заветах, что она мне оставила, и шлялся по темной тропе. Однажды те ребяташки не вернулись, сгинули в зоне, ну ты сам понимаешь. С тех пор я ношу вину, что выплеснулась из колодца.

Станимир стыдливо повернулся к черепу и заметил на краю колодца, аккурат между ним и ухватом шнурок с нанизанными пуговицами. Законник побледнел и дрожащей рукой поднял талисман. Простой холщовый шнурок, а на нем пуговики, все разные, большие и малые, круглые и плоские, красные, черные и деревянные. Каждая пуговка означала удачную ходку тех сорванцов в отчужденную жуками зону. Откуда она тут? Что за зловещий подарок? А может, прощение?

Череп опять со скрежетом развернулся в рогатулине и глянул на Станимира.

– Мы все творили глупости. Я так точно, хоть и не помню.

Даже имя свое позабыл, представляешь? Но мне нравятся ритмы. Как клацают мои зубы, как ты черенком отбиваешь дробь по дороге. Привяжи-ка этот шнурок, пусть стучит пуговками по ковке и напасти от нас отгоняет.

– Ладно, – согласился Станимир. – Вроде дельный совет.

Злые духи и правда недолюбливали музыку ветра. Их воротило и от стука горшка на шесте, и от перезвона колокольцев, и от цоканья дощечек, подвешенных под потолком.

Станимир закрепил шнурок на краю рогатулины и на ощупь пересчитал пуговицы. Не уберег, оплошал. А должен был сделать как надо, по чести.

– Не кори себя, родной, – отозвался череп на тяжкую думу. – Коль жаждешь искупления, ищи-ка культиста, он времени даром не терял. Уже небось Дрёму прошел, а мы лишь в начале. Во Сне нет безопасных местечек. В каждом славном человеке есть червоточинка, так и в Дрёме есть место Кошмару. И ты свой сумел превозмочь.

Станимир поднялся, напился воды, умыл лицо, обтер шею и за ушами. Кивнул своему отражению в колодезной воде и отправился по тракту вглубь Дрёмы, ведомый надеждой исполнить свой долг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.